

О древнѣйшихъ изображеніяхъ Божіей Матери.

Первоначальная судьба изображеній Божіей Матери весьма слабо освѣщена въ памятникахъ древней христіанскій письменности, несравненно меньше, чѣмъ художественная исторія образа Христова, и потому можетъ быть прослѣжена на основаніи весьма небольшого числа литературныхъ данныхъ. Изъ трехъ первыхъ вѣковъ христіанства совсѣмъ не дошло до насъ указаній, относящихся къ иконографіи Богоматери, а свидѣтельства IV—V вѣковъ и нѣкоторыя апріорныя соображенія говорятъ, повидимому, даже противъ существованія въ то время подлинныхъ Ея изображеній или признанныхъ таковыми. „Мы не знаемъ лица Дѣвы Маріи, писалъ блаж. Августинъ, отъ которой безмужно и нетлѣнно, чудеснымъ образомъ родился Христосъ... Вѣримъ, что Господь Иисусъ Христосъ родился отъ Дѣвы, имя которой Марія... Но такое ли лицо было у Маріи, какое представляется въ умѣ, когда мы говоримъ или воспоминаемъ объ этомъ, мы совсѣмъ не знаемъ и не убѣждены. Можно сказать, сохраняя вѣру, можетъ быть Она имѣла такое лицо, можетъ быть не такое ¹⁾“... Мы не думаемъ,

¹⁾ Neque enim novimus faciem Virginis Mariae. ex qua Ille a viro intacta neque in ipso partu corrupta mirabiliter natus est. Nec quibus membrorum lineamentis fuerit Lazarus, nec Bethaniam, nec sepulchrum lapidemque illum, quem removeri iussit, cum eum resuscitaret. vidimus, nec monumentum novum excisum in petra. unde Ipse resurrexit, nec montem Oliveti, unde ascendit in coelum: neque omnino scimus, quicumque ista non vidimus, an ita sint, ut ea cogitamus. immo vero probabilius existimamus non esse ita... Credimus enim Dominum Iesum Christum natum de Virgine, quae Maria vocabatur... Utrum autem illa facies Mariae fuerit, quae occurrerit animo, cum ista loquimur aut recordamur, nec novimus omnino, nec credimus. Itaque hic salva fide licet dicere, forte talem habebat faciem, forte non talem.

чтобы эти слова не имѣли никакого отношенія къ изображеніямъ Божіей Матери и означали только то, что блаж. Августинъ отъ себя и отъ лица своихъ современниковъ хотѣлъ сказать: ни я, ни они не видали Богородицы, а потому и не знаемъ, какова Она была лицомъ. Если бы въ церкви Иппонійской въ то время, когда жилъ и управлялъ ею блаж. Августинъ († 430), существовали и были общепзвѣстны подлинныя, вѣрныя до портретности изображенія Богоматери, и церковь, какъ такимъ, придавала бы имъ вѣру, тогда блаж. Августинъ по могъ-бы такъ рѣшительно говорить о незнаніи имъ и его современниками лица Божіей Матери. Недостаточное знакомство первыхъ прозелитовъ христіанства съ изобразительными искусствами, удивленіе и замкнутость восточныхъ женщинъ, появившихся не иначе, какъ съ покрываломъ на лицѣ, и наконецъ особенная, необычайная скромность Пресвятой Дѣвы, избѣгавшей всякой показности: *Она слагаетъ глаголы въ сердце своемъ* (Лук. II, 19. 51), повидимому, также могутъ служить косвеннымъ доказательствомъ противъ появленія портретныхъ изображеній Богоматери у первенствующихъ христіанъ. Уже въ виду сказаннаго есть основаніе предполагать, что первыя являвшіяся въ христіанскомъ мірѣ изображенія Матери Божіей были идеальными типами, то-есть, выражали представленіи о Ней христіанъ — тотъ идеаль, въ которомъ являлась Она чувству и сознанию вѣрующихъ того времени. *Simulacrum mentis, figura probitatis* — образъ возвышеннаго ума и выраженіе высокаго нравственнаго настроенія, какъ говоритъ св. Амвросій Медиоланскій ¹⁾. вотъ тѣ идеальныя черты, которыми проникнута была наружность Богоматери, по возрѣнію древнихъ церковныхъ писателей, и которыми въ соединеніи съ физическою кра-

forte autem de Virgine natus est Christus, nemo salva fide Christiana dixerit. De Trinitate lib. VIII, cap. 7. Opera August. t. VIII col. 870. Parisiis 1688.

¹⁾ Представляя характеристику нравственныхъ качествъ Богоматери въ образецъ дѣвствъ, св. отецъ говоритъ между прочимъ о Ней: *Nihil torvum in oculis, nihil in verbis procerax, nihil in actu inverecundum: non gestus fractior, non incessus solutior, non vox petulantior: ut ipsa corporis species simulacrum fuerit mentis, figura probitatis...* De virginibus lib. II cap. II Oper. Ambros. t. II. col. 164. Parisiis 1690.

сотей запечатлѣны въ большей или меньшей степени все сохранившіяся до насъ Ея древнѣйшія изображенія. Впослѣдствіи къ этимъ общимъ характернымъ чертамъ присоединилась одна подробность, если можно такъ выразиться, конкретная, индивидуальная, благодаря которой изображенія Божіей Матери были поставлены въ тѣсную связь съ иконографическимъ подобіемъ Спасителя. Авторъ извѣстнаго „Посланія къ импер. Ософилу о святыхъ иконахъ“ и Никифоръ Каллисть, описывая внѣшній видъ Іисуса Христа, прибавляютъ въ заключеніе, что Онъ *во всемъ*, особенно въ выраженіи, цвѣтѣ и формѣ лица, *былъ подобенъ своей божественной и непорочной Матери* ¹⁾. Но такъ какъ эти описанія въ значительной мѣрѣ были основаны на обращавшихся тогда изображеніяхъ Спасителя, то естественно, что этому замѣчанію о сходствѣ лица Богоматери съ Іисусомъ Христомъ соотвѣтствовали Ея дѣйствительныя изображенія.

Сказаннымъ исчерпывается все то существенное, что можно сказать о древнѣйшей иконографіи Богоматери на основаніи литературныхъ источниковъ ²⁾. Относительно пе-

1) Въ посланіи къ импер. Ософилу о святыхъ иконахъ, при описаніи наружнаго вида Спасителя, употреблены такого рода выраженія: *τὰς μητροφᾶς ἐμφερείας τὰ ἰδιώματα χαρακτηρίζων... σιτόχροον τῷ εἶδει κατὰ τὴν μητροφᾶν ἐμφάνειαν..* Oper. Damasc. t. I p. 631. Parisiis 1712. Никифоръ Каллисть говоритъ о Христѣ: *Σιτόχροος δὲ, καὶ οὐ στρογγύλην ἔχει τὴν ὄψιν ἐπέχραεν, ἀλλ' ὡσπερ τῆς μητρὸς αὐτοῦ μικρὸν πλοκαταβαίνουσαν, ὀλίγον δ' ἐπιφουρισσομένην, ὅσοι ἐποφαίνειν τὸ σεμνὸν τε καὶ συνετὸν τοῦ ἡθους καὶ ἡμερον. καὶ τὸ καθάπαξ ἀόλυτον. Κατὰ πάντα δὲ ἦν ἐμφερὴς τῇ θεῷ καὶ παρὰ σπίλω ἐκείνου μητρὶ.* Ecclesiast Hist. lib. I cap. XL y Migne Curs. patrol. graec. t. 145 col. 749.

2) Св. Елифаній Кипрскій въ своемъ сочиненіи противъ ересей сообщаетъ любопытныя, но, къ сожалѣнію, весьма неполныя свѣдѣнія о сектѣ коллиридіанъ, приносившихъ въ честь Богоматери какое-то печенье—коллириду и отъ этого получившихъ самое названіе. „Нѣкоторыя женщины, говоритъ онъ, украсивши колесницу или четвероугольное сѣдалище, разостлавши на немъ бѣлое полотно, въ одинъ изъ праздничныхъ дней года, въ теченіи нѣсколькихъ дней предлагаютъ хлѣбъ и возносятъ жертву во имя Маріи. Потомъ все онѣ причащаются отъ хлѣба“. На основаніи нѣкоторыхъ выраженій, употребленныхъ св. отцомъ въ опроверженіи этого суевѣрнаго почитанія св. Дѣвы, можно предпологать, что у коллиридіанъ существовали и изображенія Богоматери, которыя они, подобно чтилителямъ Деметры, приносившимъ боинѣ жертвы отъ пачатковъ жатвы въ видѣ маленькихъ пирожковъ, помещали на повозкѣ. Творр. Елифанія въ русск. перев. ч. I стр. 10. 12; V 173—174 277—292. 362. 365. 393; VI. 31.

давнія изслѣдованія въ области римскихъ катакомбъ пролили не мало свѣта въ художественную исторію изображеній Богородицы, значительно подвинувъ впередъ изученіе Ея иконографіи, и то, что прежде казалось болѣе или менѣе основательною догадкой, теперь имѣетъ за себя наглядныя доказательства. Новооткрытыя произведенія древнѣйшаго катакомбнаго искусства дополнили скудныя историческія свѣдѣнія по данному вопросу положительными фактами и представили цѣлый рядъ изображеній Божіей Матери. Вопреки мнѣнію, раздѣлявшемуся большинствомъ старыхъ протестантскихъ изслѣдователей, будто до несторіанскихъ споровъ не было изображеній Богоматери, мы находимъ въ вещественныхъ данныхъ наглядное его опроверженіе и въ правѣ считать это старое положеніе за результатъ предвзятой теоріи и намѣреннаго игнорирования наличныхъ памятниковъ древне-христіанскаго искусства. Весь вопросъ современной археологіи относительно катакомбныхъ изображеній Богородицы сводится къ выдѣленію ихъ изъ ряда однородныхъ фигуръ обыкновенныхъ женщинъ, къ установкѣ опредѣленныхъ, положительныхъ признаковъ для иконографіи Богоматери. Признаки эти, надобно сознаться, еще очень шатки и, за исключеніемъ изображеній Богородицы въ евангельскихъ картинахъ да немногихъ фигуръ, обозначенныхъ надписью: *María* или *María*, остается мѣсто предположенію: не имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ простое изображеніе молящейся женщины или женщины съ младенцемъ въ рукахъ, то есть, матери семейства—и только. Еще авторъ *Карловыхъ книгъ*—сочиненія, появившагося на западѣ послѣ седьмого вселенскаго собора и трактовавшаго по вопросу объ иконопочитаіи, сомнѣвавшійся въ подлинности существовавшихъ тогда изображеній Богоматери и смѣшивавшій ихъ съ изображеніями библейскихъ женщинъ, не безъ основанія спрашивалъ: „если изображеніе жены съ младенцемъ въ рукахъ есть воспроизведеніе пророчества Исаіи о Дѣвѣ, имѣющей родить Сына (Исаіи VII, 14), и заслуживаетъ почитанія, откуда извѣстно, что это образъ Богоматери? При взглядѣ на женщину съ младенцемъ въ рукахъ, но безъ надписи, какъ узнаешь: Сарра-ли это съ Исаакомъ или Елизавета съ Іоанномъ?“ Вотъ почему и новѣйшіе изслѣдователи сильно расходятся между

собой въ опредѣленіи катакомбныхъ сюжетовъ, относящихся къ занимающему насъ предмету, и въ то время какъ одни изъ нихъ, напримѣръ Шульце, насчитываютъ около *пятидесяти* изображеній Божіей Матери ¹⁾, другіе и между ними Ленеръ, имѣя въ виду тотъ же катакомбный матеріалъ, описываютъ слишкомъ *восемьдесятъ* ²⁾. Но, конечно, дѣло не въ числѣ, а въ твердости основнаго иконографическаго критерія и въ общемъ выводѣ, который, не смотря на колебаніе въ цифрѣ, приводитъ къ несомнѣнному заключенію, что катакомбное искусство дало въ зародышѣ почти всѣ главные типы позднѣйшихъ изображеній Богоматери.

Между многочисленными изображеніями молящихся, такъ называемыхъ *orantes*, на стѣнахъ и сводахъ катакомбъ весьма часто встрѣчаются женскія фигуры этого рода и между прочимъ въ обществѣ добраго пастыря. Для древнѣйшей художественной исторіи Богоматери послѣднія имѣютъ первостепенное значеніе и несомнѣнно повліяли на выработку ея иконографическаго типа. Большая часть этихъ фигуръ не имѣютъ при себѣ пояснительныхъ надписей и всего вѣроятнѣе представляютъ погребенныхъ тамъ или здѣсь женщинъ. Но есть между ними нѣсколько и такихъ, которыя комментируются надписями, краснорѣчиво говорящими, что подъ образомъ молящейся жены древніе христіане имѣли обыкновеніе изображать иногда никого другаго, какъ пресв. Дѣву Марію. Сходство въ постановкѣ, одеждѣ и чертахъ лица между безыменными фигурами этого рода и отмѣченными надписью: *Maria*, *Mara* и т. п. показываетъ, что въ этихъ орантахъ мы имѣемъ не портретный, индивидуальный типъ Богоматери, но условное Ея изображеніе, принятое для каждой степенной христіанской женщины. Длинная рубашка (*tunica talaris*), схваченная поясомъ, или же широкорукавная далматка съ пурпуровыми полосами, головной платокъ—вуаль, низко падающій на плечи (иногда впрочемъ голова бываетъ открыта), и поднятыя руки въ

¹⁾ *Archäologische Studien über altchristliche Monumente*, s. 177. Wien 1880.

²⁾ *Die Marienverehrung in den ersten Jahrhunderten*, ss. 286—331. Stuttgart 1881.

молитвенномъ положеніи—такова обычная постановка этихъ фигуръ, общая анонимнымъ изображеніямъ женщинъ и именнымъ фигурамъ, означающимъ Богоматерь или какую-либо святую, напримѣръ: Венеранду, Перегрину, Пуденціану. Такъ какъ вуаль служилъ и служитъ покрываломъ невѣсты, то отсюда было не далеко и до символическаго значенія, по которому Богоматерь являлась какъ-бы невѣстою и на этомъ основаніи могла олицетворять собою церковь, которая называется въ Свящ. Писаніи чистою Дѣвою, обрученною Христу.—Наибольшій интересъ и значеніе для иконографіи Богородицы представляютъ лицевыя изображенія этого рода на донышкахъ росписныхъ стеклянныхъ сосудовъ, находимыхъ въ катакомбахъ, которыя доставляютъ значительный процентъ именныхъ изображеній Богоматери. Здѣсь Она является то между двумя деревьями, означающими рай, то между апостолами Петромъ и Павломъ, то рядомъ съ свв. Анною и Агнессою. Надъ головами ихъ, по окружности донышка надписи: Petrus—Maria—Paulus, Anne—Maga, Agnes—Maria. Но особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи рѣзное изображеніе на мраморной плиткѣ, найденной въ Южной Франціи, неподалеку отъ Тарасконы, въ криптѣ св. Максимиана. Оно относится исследователями не позднѣе какъ къ V вѣку и представляетъ молящуюся жену въ широкой далматикѣ и, повидимому, головнемъ покровѣ, ниспадающемъ на плечи и грудь; надъ головою Ея варварскою латынью надписано: Maria virgo minister de templo Gerosale, Марія Дѣва служительница изъ храма Иерусалимскаго. Въ этой надписи заключается, вѣроятно, указаніе на древнее преданіе о томъ, что пресв. Дѣва, по прошествіи трехъ лѣтъ, была приведена своими родителями въ храмъ Иерусалимскій и здѣсь посвящена на служеніе Богу.

Этотъ образъ *молящейся* Богоматери слѣдуетъ считать однимъ изъ древнѣйшихъ; онъ пережилъ періодъ катакомбной и мозаической живописи и перешелъ въ византійско-русскую стѣнопись и на иконы. Стоитъ для этой цѣли припомнить замѣчательное мозаическое изображеніе Богоматери надъ входною дверью въ св. Софію Константинопольской, гдѣ Она представлена въ кругломъ медальонѣ, по правую сторону Спасителя, съ молитвенно простертыми къ Нему

руками... Величественныя изображенія Богоматери съ воздѣтыми руками надъ горнимъ мѣстомъ въ Кіево-Софійскомъ (Нерушимая Стѣна) и Гелатскомъ, близъ Кутаиса, соборахъ есть весьма близкое подражаніе изучаемому нами катакомбному типу. Изображеніе Божіей Матери въ столь распространенныхъ у насъ *Деисусахъ* составляетъ также повтореніе *Mariae orantis* катакомбной живописи. Вообще говоря, этотъ образъ молящейся пресв. Дѣвы имѣетъ весьма важное значеніе въ исторіи культа Богоматери: на немъ Она представляется, какъ *ходатаица и заступница рода христіанскаго*. Изображеніе Ея среди деревьевъ—въ райской обстановкѣ указываетъ на то, что Она имѣетъ особенно близкій доступъ къ небу и другихъ возводитъ туда же. Здѣсь ей усвоится самостоятельное религиозное значеніе, а не по связи съ Богомладенцемъ, Котораго Она въ большинствѣ изображеній держитъ на рукахъ Своихъ.

Совершенно иной иконографическій типъ разрабатываютъ въ катакомбахъ историческія сцены, въ которыхъ Богоматерь принимаетъ участіе по смыслу евангельскаго разсказа. Изъ этихъ немногочисленныхъ въ произведеніяхъ катакомбнаго искусства сюжетовъ, относящихся, какъ извѣстно, къ первымъ днямъ земной жизни Спасителя, по древности и общераспространенности на памятникахъ древне-христіанскаго періода выдается поклоненіе волхвовъ. Изображенія этого событія считаются самыми древними изъ историческихъ картинъ и лучшими изслѣдователями относятся къ III-му и даже къ концу II столѣтія. Въ нихъ Богоматерь является обыкновенно сидящею на креслѣ точно такой-же формы, какъ епископскія кафедры въ катакомбныхъ церквахъ. Волхвы въ короткихъ опоясанныхъ туникахъ и фригійскихъ шапкахъ, въ числѣ трехъ или четырехъ, подносятъ свои дары Спасителю, сидящему на колѣнахъ Своей Матери. Богородица, какъ и Христосъ, одѣта въ длинную, падающую до ногъ туннику съ ипocвѣтными полосами, съ болѣе или менѣе длиннымъ покрываломъ на главѣ. Одновременно съ этою сценою волхвовъ нерѣдко на древнихъ памятникахъ, преимущественно въ скульптурѣ саркофаговъ, изображается и рождество Христово, и, такимъ образомъ, картина какъ-бы раздѣляется на двѣ части. Центръ всего изображенія составляетъ Христосъ-Младенецъ. Онъ лежитъ

въ ясляхъ—корзинѣ очень похожей на ванну, спеленутый въ видѣ муміи; возлѣ яслей вошь и осель. Въ головѣ у Него сидитъ Богоматерь, а за нею въ удивленіи Іосифъ, большою частію старческая фигура съ бородой. Тутъ-же пастухи съ клюкою, а издали видны приближающіеся волхвы съ дарами, руководимые звѣздой.—Въ одиночныхъ сценахъ поклоненія волхвовъ нельзя не видѣть первыхъ опытовъ изображенія Богоматери съ Іисусомъ Христомъ, первые зачатки того типа, который получилъ наибольшую извѣстность и распространенность въ византійской иконописи подъ именемъ: *Μητὴρ Θεοῦ*.

Еще ближе выражаютъ этотъ традиціонный византійскій типъ Божіей Матери двѣ замѣчательнѣйшихъ по древности и по художественности исполненія катакомбныхъ фрески—въ усыпальницахъ Прискиллы и св. Агнессы¹⁾. Если бы мы имѣли твердыя данныя для опредѣленія времени происхожденія названныхъ фресокъ, а не были принуждены довольствоваться различными соображеніями изслѣдователей, то эти два изображенія послужили бы достаточнымъ основаніемъ утверждать, что даже и теперешній византійско-русскій типъ ведетъ свое начало изъ самаго ранняго періода катакомбной живописи и тамъ имѣетъ своихъ первыхъ представителей.

На одной изъ внутреннихъ стѣнокъ аркосолія въ усыпальницѣ Прискиллы представлена красивая молодая женщина съ широкимъ, падающимъ густыми складками на плечи и грудь покрываломъ на головѣ. На ея полуобнаженныхъ рукахъ младенецъ безъ всякаго одѣянія; откинувши головку немного назадъ, онъ прильнулъ къ груди матери, повидимому, собирающейся его кормить. Съ лѣвой стороны отъ зрителя стоитъ лицомъ къ женщинѣ молодой мужчина съ накинутымъ на лѣвое плечо плащомъ—наліемъ; въ лѣвой рукѣ его, кажется, свитокъ пергамента, а правая поднята въ направленіи къ звѣздѣ, почти находящейся надъ головой малютки. Онъ, повидимому, говоритъ что-то женщинѣ, сосредоточенно слушающей его рѣчь. Отъ всей этой картины дышетъ свободою замысла и непринужденностію художественнаго исполненія: она обнаруживаетъ въ живописцѣ

¹⁾ G. Garrucci, Storia della arte cristiana, vol. II tavv. 66, 81.

отличное знакомство столько-же съ строеніемъ человѣческаго тѣла, сколько съ пріемами и техникой лучшей поры классическаго искусства, и потому болѣе авторитетными учеными относится къ самой ранней порѣ христіанства, ко временамъ императоровъ изъ дома Флавіевъ и уже никакъ не позднѣе первыхъ Антониновъ. Что женщина съ младенцемъ въ этой фрескѣ изображаетъ Богородицу и Христа, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; между истолкователями фрески существуетъ лишь разногласіе относительно значенія мужской фигуры. Одни хотятъ видѣть въ ней св. Іосифа Обручника и всю картину объясняютъ въ смыслѣ семейной сцены въ его домѣ, другіе одного изъ волхвовъ, третьи съ покойнымъ де-Росси во главѣ, открывшимъ и самую фреску, пророка Исаію, предсказывающаго объ имѣющемъ явиться въ міръ великомъ свѣтѣ, который озаритъ людей, ходящихъ во тьмѣ (Исаіи IX, 2—3; LX, 2—3. 19). Въ виду неполной сохранности фрески трудно разрѣшить вопросъ положительно, но принимая во вниманіе юношескій видъ мужчины и приличествующій философамъ образъ одѣянія, не свойственные ни праведному Іосифу, ни одному изъ волхвовъ, приходившихъ издалека на поклоненіе Спасителю, мы думаемъ, что болѣе правды въ послѣднемъ предположеніи. — Это изображеніе Богоматери, при всей не-іератичности, такъ сказать, ея письма, имѣетъ очень близкую аналогію въ одномъ изъ позднѣйшихъ изображеній Ея, извѣстномъ съ именемъ *Млекопитательницы*.

Фреска изъ катакомбъ Агнессы представляетъ прототипъ для еще болѣе извѣстнаго и дорогаго намъ по историческимъ воспоминаніямъ образа Божіей Матери. Когда Андрей Боголюбскій съ подручными ему удѣльными князьями приступилъ въ 1169 году къ Новгороду и сталъ осаждать его, святитель новгородскій Іоаннъ, по указанію свыше, вынесъ изъ церкви Спаса на Ильинской улицѣ образъ Богородицы и поставилъ его на городской стѣнѣ. Когда одна изъ вражескихъ стрѣлъ лонзнулась въ ликъ Богоматери, икона повернулась задомъ къ неприятелю. Это воодушевило осажденныхъ: они сдѣлали удачную вылазку и прогнали послѣдняго. Обстоятельство это дало иконѣ новгородской названіе *Знаменія*, и въ память этого событія учрежденъ былъ праздникъ, который и теперь празднуется нашею церковію 27-го

ноября. Разумѣется, всѣмъ хорошо извѣстно, какое изображеніе Божіей Матери пишется у насъ подъ этимъ именемъ. Хотя мы и привыкли считать его безраздѣльно съ самою чудотворною иконою своею домашнею святынею, но на самомъ дѣлѣ оно имѣетъ очень отдаленную исторію, и его первообразъ находится въ усыпальницѣ св. Агнессы. На плоской стѣнкѣ одного изъ аркосоліевъ послѣдней находится поясное изображеніе Богоматери, обращенной лицомъ къ зрителю, съ молитвенно простертыми руками; на головѣ Ея вуаль, спускающійся на плечи, шею украшаетъ ожерелье изъ драгоценныхъ камней, на груди Младенецъ-Христосъ, обращенный также лицомъ къ зрителю. Двѣ монограммы, симметрически расположенныя по сторонамъ фрески, отсутствіе нимбовъ у Спасителя и Божіей Матери и, наконецъ, особенности стиля достаточно говорятъ за принадлежность изображенія времени Константина Великаго и переходной эпохѣ въ исторіи христіанскаго искусства. Если сравнить съ художественной стороны данное изображеніе Богоматери съ выше отмѣченными, особенно съ Прискиллинскою Мадонной, то между ними при нѣкоторомъ сходствѣ окажется значительная разница. Если послѣдняя по технику и исполненію всецѣло принадлежитъ античной школѣ искусства и почти не носитъ на себѣ слѣдовъ вліянія христіанскаго ученія, то первая лишь только напоминаетъ классическіе образцы смѣлостью кисти своего мастера, круглымъ оваломъ полныхъ ликовъ Богородицы и Христа и гармоніею линий цѣлой картины. Тамъ, въ усыпальницѣ Прискиллы, мы видимъ римлянку въ обычномъ ея костюмѣ, въ живой и совершенно натуральной позѣ; здѣсь на всемъ изображеніи лежитъ отпечатокъ нѣкоторой сухости, условности и даже іератической важности. Большіе круглые черные глаза, дорогое ожерелье, роскошная стола, прикрывающая плечи и руки, все въ изображеніи Богородицы въ катакомбѣ Агнессы служитъ уже предвѣстникомъ тѣхъ художественныхъ началъ народовъ востока, которыя потомъ въ соединеніи съ классическими формами отживавшаго греко-римскаго искусства, на основѣ христіанскихъ понятій, образовали то, что принято теперь называть византійскимъ искусствомъ.

Византійскій типъ изображеній Богоматери въ древнѣй-

шій періодъ исторіи искусства на востокѣ не отдѣлялся отъ западнаго такими рѣзкими чертами, какъ это обнаружилось впоследствии. Изящный, чисто женственный типъ Богоматери, образцомъ котораго служатъ Ея изображенія въ наилучшихъ равеннскихъ и Константинопольскихъ мозаикахъ, въ древнѣйшихъ миниатюрахъ рукописей и отчасти въ мелкихъ памятникахъ рѣзнаго и металлическаго дѣла, показываетъ, что и въ Византіи въ началѣ слѣдовали классическимъ образцамъ и, вообще говоря, держались реального направленія. Только въ отличіе отъ катакомбныхъ Мадоннъ Богоматерь, за рѣдкими исключеніями, изображали здѣсь съ большимъ, низко опущеннымъ на чело, платомъ или омофоромъ на главѣ, глубоко задрапированною въ широкія одежды, и вообще во всей костюмировкѣ старались подражать знатнымъ византійскимъ женщинамъ. Византійскіе художники иногда рисовали Ее гораздо старше своихъ настоящихъ лѣтъ и съ строгимъ выраженіемъ на величественно-прекрасномъ лицѣ. Она представляла какъ бы идеаль византійской женщины, преданной ибъжному материнскому чувству и вмѣстѣ совсѣмъ чуждой мірскихъ страстей и увлеченій. Благословляя своихъ дочерей на замужество или отправляя ихъ въ монастырь, византійскій отецъ считалъ своею святою обязанностию поручить будущность своего дѣтища покровительству Царицы Небесной и снабжалъ его иконою пресвятой Дѣвы. Константинъ Великій, если довѣрять позднѣйшимъ свидѣтельствамъ Кедрина и Зонары, основавъ свою новую столицу, посвятилъ ее Богоматери, подъ защитою Которой совершались потомъ всѣ главнѣйшія политическія событія восточной имперіи. Византійскіе живописцы начали старательно изучать сказанія о жизни Богородицы, сохранившіяся въ разнаго рода памятникахъ письменности; усердно перечитывали похвальные слова и гимны въ честь Ея, сочиненные церковными ораторами, и вмѣстѣ съ этимъ кругъ изображеній Божіей Матери мало по малу разрастался и припималъ въ себя по временамъ сюжеты апокрифическаго свойства. Но рядомъ съ этимъ разнообразіемъ сюжетовъ, съ этою пестротою обстановки шла установка иконнаго типа Богоматери, а въ церковной литературѣ появляются время отъ времени своды главныхъ извѣстій объ Ея жизни и обстоятельствахъ смерти,

къ которымъ присоединялись иногда и описанія Ея наружности. Иѣкій инокъ Епифаній—писатель XII вѣка посвятилъ себя подобнаго рода труду и въ византійской литературѣ приобрѣлъ себѣ то же значеніе, что и знаменитый творецъ *Legenda aurea* на западѣ *Jacob de Voragine*. Западное искусство обязано было золотой легендѣ многими подробностями, касающимися иконографіи Богородицы, точно также, какъ восточное замѣтвало у Епифанія устойчивыя черты для наружности Божіей Матери. Эти черты въ нѣсколько переработанномъ видѣ вошли въ исторію Никифора Каллиста и послужили основою для иконописцевъ при изображеніи вѣшняго вида Пресвятой Дѣвы. „Во всѣхъ вещахъ, пишетъ о Богоматери церковный историкъ, Она была честна, говорила немного и необходимо; была внимательна и привѣтлива, всѣмъ честь и почитаніе воздавала. Роста была средняго, а по словамъ нѣкоторыхъ, нѣсколько больше средняго. Свободою пристойнаго слова въ отношеніи ко всякому человѣку пользовалась безъ смѣха, безъ смущенія и особенно безъ гнѣва. Лице Ея было шеничнаго цвѣта, волосомъ свѣтлоруса, живые глаза съ зрачками какъ-бы оливковаго цвѣта. Брови и гѣла крутыя и изрядно черныя, носъ довольно длинный, губы розовыя, полныя пріятности во время разговора; лицо некруглое, но слегка продолговатое, руки и персты длинные. Она была скромна, не притворна, не предавалась изпѣженности, предпочитала смиреніе. Одежды естественныхъ цвѣтовъ съ любовію носила, о чемъ и донынѣ свидѣтельствуеть священное главы Ея покрывало. Вообще сказать, во всѣхъ дѣлахъ Ея присутствовала великая божественная благодать“¹⁾. Въ этой характеристикѣ замѣчается соединеніе живыхъ чертъ восточной фізіономіи съ условными штрихами нравственнаго характера, которые ослабляютъ силу непосредственнаго впечатлѣнія и представляютъ наружность Богоматери гораздо мягче и ровнѣе. Энергическій типъ восточной женщины здѣсь нейтрализуется соображеніями художественными и моральными.

„Описаніе образа и права преблгословенныи Маріи

¹⁾ *Ecclesiast. Hist. lib. II c. 23* у Migne *Curs. patol. græc. t. 115 col. 816.*

Дѣвы Богородицы“. сдѣланное Никифоромъ Каллистомъ и повліявшее, какъ кажется, на соотвѣтствующую статью греческаго иконописнаго полнииника, довольно рано было переведено на славянской языкъ и весьма перѣдко попадаетъ въ нашихъ старинныхъ рукописныхъ сборникахъ съ вышеприведеннымъ заглавіемъ ¹⁾. Еще чаще можно встрѣтить его въ передѣлкѣ старыхъ русскихъ книжниковъ примѣнительно къ тому или другому обстоятельству. Приведемъ въ образецъ одну изъ этихъ передѣлокъ по извѣстной *Повѣсти о иконномъ изображеніи, како и когда зачаса иконное изображение и Сказанію о написаніи иконы Богоматери Одигитрии*. „Возрастъ средня мѣры Ея имущи, читаемъ здѣсь о наружномъ видѣ пресвятой Дѣвы. Благодатное же оно и святое лице мало окружно и чело святолипно, продолгающъ носъ, доброголосиѣ налѣво лежащъ, и очи зѣло добрѣ, чернѣ же и благокраснѣ зѣницы, такоже и брови. Устиѣ же Всененорочныя червленою красотою побагрениѣ, и персти богопріятныхъ рукъ тонкостію истонченѣ во умѣреннѣй допности и благосіятельныя главы власи русы кратосны украшены. Риза же темнобагряна, якоже и Давидъ глаголетъ: рясны златыми одѣяна и преиспещрена и преукрашена; и на ней же убо наки надъ главою звѣзду иматъ сего свидѣтельства, яко прежде рождества Дѣва. На правую же плещу такоже звѣзду совершеннаго непорочнаго дѣвства иматъ, синево, яко и по рождествѣ наки Дѣвая. Иматъ же Приснодѣвныя образъ близъ главы своей отъ обою страну надписаніе ему отъ буквъ сложено сице: *ΜΡ ΘΥ*. И се есть писмена гречески суть, толкуеть же ся сице: *Μητήρ Θεού*, славенскимъ языкомъ: Матерь Богу. Во объятіи же на лѣвую руку Ея воображена иматъ держащи иже вся содержащаго превѣчнаго младенца, Господа Нашего Иисуса Христа ²⁾... Эти повѣсти или сказанія, судя по множеству перѣдко иллюстрированныхъ списковъ, въ которыхъ онѣ дошли до насъ, несомнѣнно имѣли руководственное значеніе при изображеніи лица Богоматери древне-русскими

¹⁾ Рукоп. сборн. Флоринской рукописи XVII в. N 121 (695) л. 55.

²⁾ Памятн. преви. прѣмечн. 1878 г. XIX. N 129 ст. Юсифовскн Сборникъ 1642 г. л. 170 об. — 171 и русинское сказаніе о явленіи и чудесахъ Тавриной иконы Богоматери, принадлежашее переконно-археологическому музею при Моск. д. академіи.

иконописцами, неуклонно слѣдовавшими византійскимъ преданіямъ. Не забыты совсѣмъ эти передѣлки до сихъ поръ, и ихъ можно увидать теперь въ иконописныхъ школахъ при монастыряхъ въ рукахъ иноковъ, заправляющихъ послѣдними.

Общезвѣстное преданіе, въ равной мѣрѣ раздѣляемое православными и католиками, возводитъ древность изображеній Богоматери ко времени Ея жизни и связываетъ ихъ начало съ именемъ евангелиста Луки. Первый, у кого находится указаніе на икону Богородицы кисти послѣдняго, есть Осодоръ Чтець — историкъ времени Юстина и Юстиніана, сохранившійся въ отрывкахъ въ нѣкоторыхъ древнихъ рукописяхъ, всего больше въ церковной исторіи Никифора Каллиста. Онъ передаетъ, что императрица Евдокія, вдова Θεодосія Младшаго, отправившись на поклоненіе въ Палестину, прислала изъ Іерусалима въ Константинополь сестрѣ своей Пульхеріи, женѣ императора Маркіана, образъ Богоматери, писанный евангелистомъ Лукою ¹⁾. Говоря о событіи кратко, безъ всякихъ поясненій и оговорокъ, историкъ какъ-бы даетъ тѣмъ самымъ понять, что онъ имѣетъ въ виду фактъ непрерываемый и всѣмъ извѣстный. Однако-же послѣ Θεодора Чтеца мы больше двухъ столѣтій не находимъ въ письменныхъ памятникахъ его подтвержденія. За то отъ VIII вѣка имѣется нѣсколько почти сходныхъ между собою извѣстій о занимающей насъ иконѣ. Св. Андрей Критскій, скончавшійся мученически въ 761 году, древнимъ преданіемъ доказывая употребленіе св. иконъ, между прочимъ ссылается на всеобщее свидѣтельство о томъ, что ап. Лука „собственноручно изобразилъ какъ самого воплотившагося Христа, такъ и Его непорочную Матерь“ и что эти изображенія, пользующіяся извѣстностію въ Римѣ, находятся въ Іерусалимѣ ²⁾. Неизвѣст-

1) *Ἀέτι δὲ, ὡς καὶ ἡ βασίλισσα Εὐδοκία, ἀπέστειλε εἰς Ἱερουσόλιμα, οὐκίτι κλέστρεως . καὶ ὅτι ἡ Εὐδοκία τῇ Πουλχερίᾳ τὴν εἰκόνα τῆς Θεομήτορος, ἢ τὸ ἀπόστολος Λουκᾶς καθιστόρησι. Ἐξ Ἱερουσόλιμου ἄρ. σελ. 1. Ecclesiast. Hist. lib I Migne Curs. patr. graec t. 86 col. 1 65—166*

2) *Λοιπὸν τὸν ἀπόστολον καὶ εὐαγγελιστὴν, ἵπταντο οἱ τότε ἐκκλησιαστικαὶς ζωγραφῆσαι χερσὶ αὐτοῦ τὸν σωζομένον Χριστὸν καὶ τὴν αὐτοῦ ἀδελφὴν τὴν Μητέρα καὶ τούτων τὰς εἰκόνας εἶχει τὴν Ῥώμην εἰς οἰκίαν ἐγγλεῖαν, καὶ Ἱερουσόλιμος δὲ ἐπ' ἀρχιεπισκοπῆς ἔσθλαται τὰς φασί. Boissonade, Διέξ-*

ный авторъ *Слова объ иконахъ къ Константину Копро-
ниму*, пользуясь фактомъ написанія св. Лукою изображенія
Богоматери въ тѣхъ же апологетическихъ цѣляхъ, замѣ-
чаетъ объ иконѣ, что она послана была евангелистомъ къ
нѣкосу Теофилу ¹⁾. Въ извѣстномъ житіи Стефана Новаго,
пострадавшего за святыя иконы въ 757 году, рассказы-
вается, что константинопольскій архіепископъ Германъ, увѣ-
щавая Льва Исавра отказаться отъ мысли о преслѣдованіи
иконопочитанія, въ подтвержденіе древности священныхъ
изображеній, кромѣ статуи Спасителя, воздвигнутой кро-
воточивою женою и Эдесскаго Убруса, указывалъ также
на образъ Дѣвы Богородицы, написанный евангелистомъ
Лукою и потомъ отправленный куда-то изъ Іерусалима ²⁾.
Въ *Послании къ императору Теофилу о св. иконахъ*,
относимомъ учеными къ 845—846 году и приписываемомъ
тремъ восточнымъ патріархамъ, передается, что боговдох-
новенный Лука еще при жизни пресв. Богородицы—въ то
время, какъ Она обитала на Сіонѣ, живописными составами
начертилъ на дскѣ Ея честный образъ для послѣдующихъ
поколѣній и изъ устъ самой Дѣвы Маріи услышалъ обѣ-
щаніе, что благодать Ея пребудеть съ его иконою ³⁾. Си-

dots vol. IV p. 472—473. Съ приведеннымъ свидѣтельствомъ св. Андрея
Критскаго сопоставляютъ (см. въ *Revue de l'art chrétien* 1894 t. V livr.
6 p. 488) слѣдующія слова св. Іоанна Дамаскина, его современника: *Ἰουκῆ
τὸν Ἀπόστολον καὶ Εὐαγγελιστὴν ἐξωραγμάζετο τὴν Κέρον καὶ τὴν Μητέρα
αὐτοῦ, ὅτι τὸς εἰκόνας ἔγραυε τῶν Ῥωμαίων διαφρηάζονσι πόλια, εἰ δὲ τοῦ
Ἱεροσολίμου ἐπ' ἀρχιεπίσκοπον ἔδωκεν.* De fide orthod. lib. IV c. XVI.

¹⁾ *Βλέπε καὶ καὶ τὸν εὐαγγελιστὴν καὶ ἀπόστολον Ἰουκῆν ὅτι τῆς τρια-
χώτου καὶ ἀπαρθένου Μαρίας τὴν τιμὴν εἰκόνα ἐπιστάθου καὶ πρὸς Θεό-
φιλον ἔπεμψε.* Damasc. oper. t. I pag. 618. Parisiis 1712

²⁾ Ne longe abeam. post Christi in coelum ascensionem, mulier illa, quae
sanguinis profluvio laborabat. ab eo sanitati restituta, ipsius imaginem, vel
ut acceptam beneficium referens, exsculpsit. Ac prius etiam ab ipsomet
Christo, ipsissima Patris imagine, divino linteo facies ipsius impressa est, ac to-
parchae Abazaro, id postulanti, Edessam missa. Deum ab Euangelista Luca
pieta est. Quin ab Hierosolymis quoque Virginis Deigenitricis imago missa
est. Suii, De probatis sanctorum vitis, Novembr. 28. pag. 637.

³⁾ *Καὶ γὰρ ὁ θεσπέσιος ἀπόστολος καὶ εὐαγγελιστὴς Ἰουκῆς τοῦ θ' ἰου καὶ
σεβασίμου χαρακτήρη τῆς τοιαύτου Θεομήτορος Μαρίας, ἐπεὶ ἐν σαρκὶ αὐτῆς
ζώσης ἐν Ἱεροσολίμοι καὶ τὰς διατριβὰς ποιοῦσας ἐν τῇ κτίσει Σιών, ἐξωραγι-
ζαῖς τι εἰξέει τὴν τῆς πανκρον στήλην ἐν πλάσι διαγράξαι, καὶ ὅς ἐν κατοπτρῶ
τῇ μετεπειτα γενῆ ἐγκαταλειποῦ καὶ τιύτην αὐτῆ ἐποδίξαντος ὁ ἄριστος
μοι μετ' αὐτῆς ἔσται.* Damasc. oper. t. I pag. 631. Parisiis. 1712.

меонъ Метафрастъ, большой любитель риторики, составившій сто тридцать два жизнеописанія святыхъ, въ началѣ X-го вѣка передаетъ интересующее насъ сказаніе уже въ нѣсколько распространенной редакціи. „Всего отраднѣе то, пишеть онь, что евангелистъ Лука человѣческой видъ Христа моего и образъ Той, Которая родила Его и дала Ему человѣческое естество, первый изобразивъ воскомъ и красками. передать, чтобы читли ихъ даже до сего времени, почитая недостаточнымъ, если онь не будетъ созерцать въ изображеніяхъ и образахъ черты любимыхъ имъ лицъ, что служить знакомъ его горячей любви. И это онь сдѣлать не для себя только, но и для всѣхъ вѣрныхъ любящихъ Христа“ ¹⁾. Въ знаменитомъ менологіи императора Василія Болгаробойцы (976—1025) кратко и ясно сказано, что евангелистъ Лука, родомъ Антиохіецъ, былъ по занятіямъ врачъ и живописецъ ²⁾. Теофанъ Керамевсъ, архіепископъ Тавроменійскій (1130—1150), въ бесѣдѣ на недѣлю православія раскрываетъ на примѣрахъ ту мысль, что почитаніе иконъ искони и свыше установлено, прибавляеть въ заключеніе: „и Лука краснорѣчивый евангелистъ воскомъ и красками написалъ икону Богоматери, держащую Господа на святыхъ своихъ рукахъ, которая донынѣ сохраняется въ великомъ городѣ“, т. е. Константинополѣ ³⁾. Сравнительно болѣе полныя свѣдѣнія по данному вопросу мы находимъ въ первый разъ въ церковной исторіи Никифора Каллиста. Отмѣтивши согласно съ Василіевымъ менологіемъ, что св. Лука былъ врачъ и вмѣстѣ весьма свѣдущій живописецъ, послѣдній пишеть: „передаютъ, что онь первый изобразилъ живописью образъ Христа и боголѣбно Родившей Его, еще же и верховныхъ апостоловъ, и что отъ него это высокое и почтенное искусство распространилось потомъ по всей вселенной“ ⁴⁾. Не сообщая болѣе никакихъ свѣдѣній объ изо-

¹⁾ Acta Sanctorum, octobris 18, t. VIII pag. 311.

²⁾ Τοῦτο δὲ ὁ εὐαγγελιστὴς τῆς δευτέρας τριακοντα, τῆς περὶ τῆς τριακοντῆς τῆς πύλης καὶ ζωγράφος. Menologii Graecor., pars prima, pag. 125.

³⁾ Καὶ Λουκᾶς ὁ ῥητορικὸς ἀγγελοποιὴς τῆς ἑκαστοῦ τῆς θείας ἱστορίας καὶ ζωγράφος ἐξωγράφησεν, ὡς ταῖς ἑσπερὰς οὐρανὸν αὐτὸς ζωοποιεῖται τοῦ Κυρίου, ἡμῶν ἐν τῇ μεγαλοπύλει τῆς διασώζεται. Migne, Curs. Patrolog. graec. t. 132 col. 439 - 440.

⁴⁾ Τοῦτο δὲ ἀπὸ οὐρανὸν αὐτὸς ζωοποιεῖται τῆς κοίτης καὶ ζωοποιεῖται

браженіяхъ Спасителя и апостоловъ Петра и Павла кисти еванг. Луки, Никифоръ Каллистъ не оставляетъ насъ въ невѣдѣніи на счетъ его иконы Богоматери и дважды, хотя по одному и тому же поводу, упоминаетъ объ ея послѣдующей судьбѣ. Рассказывая о дѣлахъ религіознаго усердія императрицы Пульхеріи, перечисляя храмы въ честь Божіей Матери, ею построенные, онъ говоритъ: „второй храмъ Одигитрїевскій, гдѣ она поставила присланную изъ Антіохіи икону Матери Слова, которую собственноручно при жизни Ея написалъ божественный апостоль Лука. Она видѣла сей образъ и сообщила благодать Своему изображенію. Икона эта сначала въ мѣстѣ, называемомъ Трибуналъ, творила чудеса, которыя и до сихъ поръ совершаются. Пульхерія установила, чтобы въ этомъ храмѣ въ третій день седмицы совершалось бдѣніе и молитвословіе, что и донынѣ наблюдается“¹⁾. Не приводя здѣсь довольно многочисленныхъ и разнообразныхъ извѣстій о чудотворной Одигитрїевской иконѣ Богоматери изъ византійскихъ и средневѣковыхъ западныхъ писателей²⁾, замѣтимъ только, что свя-

*Σχρῖον, τελευτῆ μὲν πατρὸς, κερως δὲ τὴν ζωγραφὸν τέχνην ἔξιστάμενος. Φασὶ δ' αὐτὸν πρῶτιστος τῆς τε Χριστοῦ ζωγραφῆς καὶ τῆς αὐτῶν θειοπαλά-
τελοῦσας, ἵτι δ' καὶ τῶν ζωγραφῶν ἀποστόλων διὰ ζωγραφικῆς ἱστορήσει
τέχνης ἠδ' αὐτῶν ἐκ πρῶτης τῆς ἀποστολῆς τὸ τοιοῦτον καὶ ἀέτιαισι ἔργου
ἕξει γρηῃ αἰ. Eccles. Hist. lib. II cap. XIII. Migne, Patr. Graec. t. 145.
col. 876.*

1) *Γεῖτορος ο τῶν Ὀδηγητῶν αἰται, ο ὅ τῆς τε Ἀποστολῆς σταδιστῶν εἰκόνα
τῆς τῶν λόγων Μητρος ἐκείνῃ, ἡ Λοιζῆς ο θεως ἀπόστολος, ῥοῦ καθιστό-
ρει, ζωῶνς αἰ, καὶ τῶν αὐτῶν ἀποστολῆς καὶ τῆς ῥοῦ τῆς πορτῆς ἠσῶνς. Ἡ
δὲ τις εἰκὼν ἐν τῷ Τερβουαῖου κα, ομ τῶ πρώτος τὸ ε δ ἴρο πλοῦ-
σιαι αἰτῆ ἀπρῶξαιτο ῥο καὶ αἰται τῆς πορτῆς τῶν ἀποστολῶν τῆς πορτῆς αἰ
τῆς ἠτῆς αἰοποθ τῆς πορτῆς αἰ δὲ καὶ ε δ ἴρο αἰοποθ τῆς πορτῆς αἰ
Hist. Ecclesiast. lib. XV cap. 14. Migne. Patrolog. Graec. t. 147 col. 11. Въ дру-
гомъ мѣстѣ своей исторіи Никифоръ Каллистъ говоритъ, что образъ Бого-
матери былъ присланъ Еленою изъ Иерусалима. *Ἐν δ' αὖτε ο τῶν
Ὀδηγητῶν αἰρήσεσ σποισαῖ, ο ὅ τῆς τε Ἀποστολῆς σταδιστῶν εἰκόνα
Λοιζῆς ὁ ἀπόστολος ἀπρῶξαιτο ῥο καὶ αἰται τῆς πορτῆς αἰ
ῥοῦ καὶ τὸ αἰοποθ τῆς πορτῆς αἰ δὲ καὶ ε δ ἴρο αἰοποθ τῆς πορτῆς αἰ
Hist. eccles. lib. XIV cap. 2. Migne. Patrolog. Graec. t. 146 col. 1061. Токаревъ думаетъ,
что икона Богоматери, писанная еванг. Лукою, хранится сначала въ Ан-
тіохіи потомъ перенесена была въ Иерусалимъ и отсюда уже отслана въ
Константинополь. Constantinopol. Christ. lib. IV pag. 87.**

2) Извѣстія объ Одигитрїевской иконѣ и объ участи ея въ судьбахъ

тыня эта, по согласному свидѣтельству всѣхъ ихъ, пользовалась благоговѣйнымъ почитаніемъ всѣхъ византійцевъ, имѣла весьма важное значеніе въ ихъ политической исторіи и была хорошо извѣстна по слухамъ и копіямъ съ нея западнымъ христіанамъ. Преданіе о написаніи этой иконы самимъ евангелистомъ Лукою было общераспространено между византійцами, не возбуждало въ нихъ какого-либо недоувѣрія къ себѣ и, конечно, только въ качествѣ несомнѣннаго факта религіозной жизни могло войти въ греческій иконописный подлинникъ. Позднѣйшій составитель послѣдняго, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ этого преданія, давая наставленіе живописцамъ объ изображеніи внѣшняго вида апостоловъ и евангелистовъ, о св. Лукѣ кратко говоритъ: „Евангелистъ Лука не старый, кудрявый, съ малою бородой, *изображаетъ икону Богородицы*“¹⁾. И дѣйствительно на нѣкоторыхъ древнихъ иконахъ и въ миниатюрахъ рукописей мы видимъ его съ иконописными принадлежностями, пишущимъ икону Богоматери или уже представляющимъ Ей свой оконченный трудъ. Чаще всего такого рода иллюстраціи можно встрѣтить въ русскихъ рукописяхъ подлѣ извѣстныхъ уже намъ: „Повѣсти о иконномъ изображеніи, како и когда зачяся“... и „Сказанія о написаніи иконы Богоматери Одигитріи“, именно противъ слѣдующихъ словъ текста, не лишенныхъ въ настоящемъ случаѣ интереса: „По воскресеніи и по восшествіи еже на небеса Господа нашего Іисуса Христа и по излитіи Святаго Духа, миновшимъ пятнадцати лѣтомъ, славный апостоль и евангелистъ Лука, ему же похвала во благовѣстіи Христовѣ, написа еже о Христѣ евангеліе и о рождьшей Того приснодѣвѣй Маріи, таже и Дѣянія святыхъ апостоль въ книжицы. И пакы той первый божественнаго иконпаго изображенія, еже живописати, самоблагоумнѣ извыкъ, написа на дсцѣ начерганіе пречистыя самыя Владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи, изящнѣ видѣніе Тоя изуподобивъ опасно... И приносить къ первообразяѣ.“ Гос-

Византии времяъ Коми новъ и Палеологовъ собраны отчасти у Дюканжа Ibid. pagg. 88—92.

¹⁾ См. Ерминію Діонисія Фурнографіота въ Трудъ Кіевск. дух. Акад. 1868 г. IV. 355.

пожѣ и всѣхъ Царицѣ. Она же, очи Свои возложи на ту икону и... возрадовавшись убо, глаголетъ къ тому благоговѣйнѣ вкунѣ же и со властію: благодать Моя съ тобою да будетъ“¹⁾... Принадлежности художническаго званія стали какъ бы отличительнымъ иконографическимъ признакомъ евангелиста Луки, а самъ онъ съ давняго времени считался въ христіанскомъ мірѣ покровителемъ иконописцевъ, подъ защитою котораго въ набожную средневѣковую эпоху возникали и существовали на Западѣ цѣлыя общества художниковъ.

Преданіе, имѣющее за себя длинный рядъ въ существенномъ не разногласящихъ свидѣтелей, ни въ комъ, повидимому, не должно бы вызывать сомнѣнія относительно своей подлинности, а между тѣмъ многіе изъ ученыхъ, касавшихся разсматриваемаго преданія, не вѣрили въ его достовѣрность. Иѣкоторые, впрочемъ весьма немногіе изъ археологовъ, пытались даже объяснить происхожденіе этой, какъ они выражаются, легенды и подорвать силу говорящихъ въ пользу ея свидѣтельствъ. Сказаніе о написаніи евангелистомъ Лукою иконы Богоматери, говорятъ они, не имѣетъ подъ собою твердой исторической опоры и есть не болѣе, какъ недоразумѣніе, основанное на смѣшеніи двухъ совершенно различныхъ именъ. Мадонны, извѣстныя съ именемъ евангелиста Луки, на самомъ дѣлѣ суть будто-бы произведенія флорентійскаго живописца XI вѣка по имени Luca Santo. Написанныя послѣднимъ, онѣ приписаны были потомъ евангелисту по забвенію, вслѣдствіе тождества имени и подъ вліяніемъ вполне понятнаго стремленія связывать происхожденіе той или другой уважаемой святини съ именами болѣе замѣчательныхъ и извѣстныхъ церковныхъ дѣятелей. Можетъ быть, такое объясненіе и справедливо по отношенію къ иѣкоторымъ изъ тѣхъ многочисленныхъ мадоннъ, которыя выдаются за иконы евангелиста Луки въ Италіи и другихъ мѣстахъ Западной Еуропы, но въ отношеніи къ занимающему насъ преданію оно есть, правда, остроумная, но произвольная и ничего не объясняющая догадка. Свидѣтельства о написаніи евангелистомъ Лукою иконы

¹⁾ Памятн. древн. писмен. 1878 г. XIX № 129 ст. Рукон. церковно-археологич. музея при Моск. дух. Академіи

Божией Матери на нѣсколько столѣтій предупреждаютъ собою флорентійскаго живописца, давая тѣмъ самымъ знать, что преданіе не при немъ и не послѣ него возникло, какъ бы слѣдовало по разсматриваемой гипотезѣ, а существовало задолго до Luca Santo. Подобною же несостоятельностью отличается и большая часть возраженій, которыя придуманы и направлены отрицательною критикой противъ основаній, приводимыхъ противоположною стороною въ защиту подлинности преданія объ евангел. Лукѣ, какъ иконописцѣ. Не видимъ надобности приводить здѣсь всѣхъ этихъ возраженій ¹⁾, частью опровергнутыхъ новѣйшими открытіями въ области древне-христіанской катакомбной живописи, частью уже разобранныхъ въ отечественной археологической литературѣ ²⁾, но нельзя пройти совершеннымъ молчаніемъ двухъ-трехъ серьезныхъ недоумѣній, которыя можетъ возбудить и дѣйствительно возбуждало въ душѣ безпристрастнаго изслѣдователя данное преданіе.

Императрицы Евдокія и Пульхерія, которыхъ называетъ Θεодоръ Чтенъ, сообщая впервые объ иконѣ Богоматери еванг. Луки, это двѣ замѣчательныя женскія личности въ культурной исторіи Византіи пятаго столѣтія. Первая—дочь философа славилась своею любознательностію, классическимъ образованіемъ и посвящала свои досуги на литературныя труды, занимаясь комментаріями на книгу Бытія и описывая въ стихахъ подвиги мучениковъ; послѣдняя отличалась набожностію, любовію къ храмоздательству, и ея имя связано съ нѣсколькими монастырями, построенными въ Константинополѣ и его окрестностяхъ. Церковный историкъ Созомень нѣсколько главъ своей четвертой книги посвящаетъ похвалѣ добродѣтелямъ Пульхеріи и ея сестеръ, доброму ученію, которое она внушила своему брату—императору; ея стойкости въ православіи, пренятствовавшей развитію новыхъ, народившихся въ V вѣкѣ ересей; религиозной женской общинѣ, учрежденной сестрами и подробно рассказываетъ объ обрѣтеніи мощей сорока мучениковъ. Другой историкъ

¹⁾ Она тщательно ступнированы и довольно обстоятельно разсмотрѣны въ Acta Sanctorum, Octobris t. VIII, pag. 296—298.

²⁾ См. ст. проф. П. С. Казанъ по "Лукѣ евангелистѣ какъ иконописцѣ" въ Древностихъ Моск. археол. общ. т. II, стр. 46—51.

церкви Сократъ въ предпоследней главѣ своей исторіи упоминаетъ о паломничествѣ импер. Евдокіи въ Іерусалимъ въ 438-мъ году и о тѣхъ многочисленныхъ вкладыяхъ, которые сдѣлала она въ разныя церкви на востокѣ. Но замѣчательно, что ни тотъ, ни другой историкъ совсѣмъ не говорятъ о драгоценной посылкѣ, отправленной императрицей изъ Іерусалима въ Константинополь своей вѣнценосной сестрѣ.

Еще болѣе примѣчательнымъ и мало понятнымъ представляется въ данномъ случаѣ молчаніе седьмого вселенскаго собора, который въ своихъ свидѣтельствахъ объ иконопочитаніи ни однимъ словомъ не упомянулъ объ этомъ весьма важномъ обстоятельствѣ. Видно, что соборъ, тщательно изслѣдовавшій и разыскивавшій древнія извѣстія объ иконахъ въ подтвержденіе православнаго ученія, дважды въ своихъ дѣяніяхъ сославшись на исторію Θεодора Чтеца, или считалъ свидѣтельство послѣдняго объ иконѣ Богоматери еванг. Луки слабымъ, или вовсе не зналъ его. Иначе икона, всѣми чтимая, находившаяся въ одномъ изъ извѣстнѣйшихъ константинопольскихъ монастырей, собиравшая около себя толпы богомольцевъ, должна была бы послужить сильнымъ доводомъ за иконопочитаніе. Молчаніе отцовъ собора объ этой иконѣ даетъ основаніе сомнѣваться, чтобы въ Константинополѣ въ то время была икона, извѣстная съ именемъ евангелиста Луки, а потому для достовѣрности упоминанія о ней Θεодора Чтеца не достаетъ твердой почвы. Свидѣтельства объ этой иконѣ появляются, и то независимо отъ Θεодора Чтеца, въ эпоху иконоборства и у писателей менѣе компетентныхъ, напримѣръ, въ анонимныхъ посланіяхъ объ иконахъ, въ житіи Стефана Новаго и другихъ сочиненіяхъ.

Кромѣ этихъ хронологическихъ, такъ сказать, затрудненій, связанныхъ съ исторіей сказанія объ иконѣ Богоматери, писанной еванг. Лукою, достовѣрность разсматриваемаго преданія заподозривается еще на основаніи нѣкоторыхъ историческихъ соображеній. Художническая дѣятельность еванг. Луки есть не болѣе, говорятъ, какъ предположеніе, лишенное твердыхъ основаній. Апостоль Лука, какъ извѣстно, былъ врачъ по своимъ занятіямъ и нигдѣ: ни въ Свящ. Писаніи, ни у писателей церкви первыхъ вѣковъ, не находится даже и намекъ на то, чтобы онъ былъ

живописецъ, или написалъ образъ пресвятой Дѣвы. При томъ же преданіемъ онъ признается однимъ изъ семидесяти апостоловъ и, стало быть, евреемъ по происхожденію. Но извѣстно, что живопись, вмѣстѣ съ другими изобразительными искусствами, не знакома была іудеямъ въ силу заповѣди не дѣлать *подобія, елика ни небеси и ни земли*.

Допустивъ согласно съ нѣкоторыми древними учителями церкви: Тертуліаномъ, Іеронимомъ, Августинномъ и новѣйшими изслѣдователями свящ. Писанія, что еванг. Лука былъ родемъ изъ язычниковъ, легко будетъ выйти изъ только что указаннаго затрудненія и въ значительной мѣрѣ ослабить силу связаннаго съ нимъ возраженія. Гораздо труднѣе разрѣшить недоумѣнія, вызываемыя молчаніемъ историковъ и отцевъ Никейскаго собора о присланной съ востока драгоценной святыни. Разумѣется, невозможно сказать что-либо положительное и опредѣленное въ разъясненіе этихъ недоумѣній. Всего вѣроятнѣе, что Созоменъ и Сократъ потому не упомянули въ своихъ исторіяхъ о присылкѣ изъ Іерусалима иконы Богоматери еванг. Луки, а отцы Никейскаго собора потому не сослались на послѣднюю въ защиту иконопочитація, что и фактъ присылки и самая икона слишкомъ извѣстны были ихъ современникамъ. Отъ чего бы ни зависѣло впрочемъ неупоминаніе церковныхъ писателей и седьмаго вселенскаго собора объ иконѣ Богоматери, полученной импер. Пульхеріей изъ Іерусалима, изъ него нельзя съ *рѣшительностію* заключать къ несуществованію иконы, къ неподлинности извѣстія о ней Осодора Чтеца и недостоверности самаго преданія. Намъ представляется, что объективный изслѣдователь, оставаясь въ предѣлахъ относящихся къ послѣднему историческихъ свидѣтельствъ, не заподозривая подлинности документовъ, изъ которыхъ они заимствуются, — а заподозривать нѣтъ достаточныхъ основаній, — долженъ прійти лишь къ слѣдующимъ заключеніямъ касательно изучаемаго предмета. I. Евангелистъ Лука, по преданію весьма распространенному, но заключающему въ себѣ чего либо несообразнаго и передаваемому многими позднѣйшими церковными писателями, былъ знакомъ съ живописнымъ искусствомъ и между прочимъ исполнилъ воскомъ и красками икону Божіей Матери. II. Кругъ извѣстности этой иконы въ продолженіе первыхъ четырехъ-пяти

столѣтій былъ очень не широкъ и ограничивался тѣмъ небольшимъ сравнительно уголкомъ, откуда вышелъ этотъ образъ и гдѣ онъ первоначально хранился. Общецерковнаго значенія, какъ и большая часть древне-христіанскихъ святынь, высоко чтившихся на своей родинѣ и находившихъ относительно слабое признаніе на сторонѣ, онъ не имѣлъ и потому, вѣроятно, не оказалъ вліянія на первыя художественныя представленія Божіей Матери. III. Извѣстныя въ Греціи и у насъ въ Россіи иконы Богородицы евангел. Луки ¹⁾ несомнѣнно представляютъ повтореніе древнѣйшаго иконнаго типа, образовавшагося окончательно на востокѣ. IV. Приуроченный къ имени еванг. Луки этотъ византійскій типъ сначала во время иконоборческихъ волненій, а затѣмъ въ эпоху крестовыхъ походовъ греческіе мастера распространили по всей западной Европѣ, преимущественно въ Италіи, гдѣ возникла греко-итальянская школа живописи, передавая его съ нѣкоторыми измѣненіями послѣдующимъ поколѣніямъ и временамъ. Отсюда вышли знаменитыя и уважаемыя въ католическомъ мірѣ Мадонны св. Луки, извѣстныя въ довольно значительномъ числѣ въ Римѣ, Италіи, Испаніи и другихъ странахъ ²⁾. V. Изъ свидѣтельства Θεодора Чтеца видно, что икона, писанная еванг. Лукою, около половины V вѣка была перенесена изъ Іерусалима въ Константинополь и затѣмъ находилась въ Одигитріевскомъ монастырѣ. Въ XII вѣкѣ, по словамъ Теофана Керамевса, она продолжала сохраняться въ Константинополѣ. Никифоръ Каллистъ утверждаетъ то же самое въ XIV вѣкѣ. Не безынтересно, что задолго до этого времени у насъ на Руси уже извѣстны были иконы Богоматери еванг. Луки, принесенныя въ XI — XII столл. изъ Царьграда, а въ католическихъ странахъ, на примѣръ въ Римѣ, и ранѣе того показывались иконы, приписывавшіяся тому же самому евангелисту. Гдѣ находится теперь подлинная икона,

¹⁾ Таковыми въ Греціи считаются: Влахернская, Милостивая на островѣ Кипрѣ и Кипкекая; въ Россіи: Владимірская въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, Смоленская въ Смоленскомъ Успенскомъ соборѣ, Тихвинская въ Новгородскомъ Тихвинскомъ монастырѣ и нѣкоторыя другія.

²⁾ Въ Римѣ еванг. Лукѣ приписываются иконы Богоматери въ церквахъ: Маріи Великой, свв. Доминика и Сикста и др. въ Польнѣ — Ченстоховская.

писанная еванг. Лукою, какова была ея дѣйствительная судьба, что съ нею случилось, — рѣшить трудно. Историческій путь, какимъ можно было-бы дойти до этой драгоцѣнной святыни и едва ли не самаго замѣчательнаго памятника христіанской живописи, если не совсѣмъ погребенъ, то во всякомъ разѣ весьма затрудненъ множествомъ разнорѣчивыхъ и сбивчивыхъ указаній касательно ея мѣстонахожденія.

Александръ Голубцовъ.
